

Десять дней. Всего одна декада, но никогда ещё в жизни Гу Сяодуну это время не казалось столь нескончаемым.

Камера заключения в поместье Гу была устроена весьма причудливо. Высотой она достигала восьми чжанов, а в поперечнике не насчитывала и трёх, напоминая снаружи то ли башню, то ли глухой каменный столб. В первый день заточения под самым сводом этого каменного мешка Сяодун разглядел девять сквозных круглых отверстий, сквозь которые сочился дневной и лунный свет. Тогда он наивно принял их за постоянную часть строения, однако на вторые сутки просветов осталось лишь восемь. Очевидно, их закрывали снаружи вручную.

Внутри не держали ни свечей, ни ламп, и единственным утешением служили тонкие лучи, падающие с головокружительной высоты. Сяодун коротал время, считая их: день за днём полоски света исчезали одна за другой, пока в последние сутки башня полностью не погрузилась в беспросветный мрак.

Поначалу у него ещё хватало сил кричать. Он надрывал глотку часами, пускай ответом ему был лишь глухой застойный воздух, но вместе с угасающим светом тюремщики урезали и скудную пайку. Силы таяли. К седьмому дню, когда Сяодун уже хрипло умолял о пощаде, снаружи царило всё то же гробовое молчание.

Последний день тянулся вечность. Тьма стояла такая плотная, что стирались границы времени и пространства; разум плыл в липком хаосе, где жизнь едва ли отличалась от смерти. Сяодун то проваливался в забытие, то приходил в себя, окончательно потеряв грань между явью и кошмаром.

Во сне ему слышался тихий плеск воды. На грани сознания он чувствовал себя младенцем в зыбке, мерно покачивающейся на волнах, а чья-то тёплая, влажная ладонь ласково гладила его по голове. Мама... Нет, это была его приёмная мать.

Она звала его Сяодуном, Дэн-дэн, Дэн-цзаем, тихонько воркуя о всяких домашних пустяках, вспоминала вкусную стряпню, звенела беззаботным смехом, подбадривала и хвалила. Иногда она плакала — громко, навзрыд, и слёзы её сыпались градом, шумно и по-детски нескладно.

— Сяодун.

Услышав этот ласковый зов, Сяодун сонно потянулся к глядящей его руке:

— Матушка, как закончим купание, давай пойдём поедем...

Голос над ним умолк на мгновение, а затем тихо, с мягкой улыбкой произнёс:

— Сяодун, это я, твоя матушка-княгиня. Всё позади, ты уже не в темнице.

Грёзы мгновенно развеялись, унося с собой уютную зыбку и возвращая Сяодуна в реальность поместья князя Чжэньбэй.

Он попытался открыть глаза, но обнаружил, что они плотно завязаны. Охваченный внезапной паникой, он жалобно всхлипнул:

— Матушка?

— Да, мой хороший, это я. Не бойся. Глазам твоим пока вреден яркий свет, поэтому мы наложили целебную повязку. Через пару дней снимем, и всё будет хорошо.

В голове всё шло кругом. Сяодуну потребовалось немало времени, чтобы осознать: он действительно спасся из каменного плена. И как ни старалась Ань Жои утешить его, стиснувший грудь ужас прорвался безутешными слезами.

Ань Жои ничуть не напоминала своего сурового, немногословного супруга. Когда она желала, её ласка могла унять любую боль, обволакивая теплом. Терпеливо, одну за другой, она принялась разбирать все тревожившие сына заботы. Перво-наперво она заверила его, что Чжан Дэнцина перевезли в лагерь за пятьсот ли от Чанло, где благополучно определили на военную службу. Во-вторых, раны управляющего Чжу Ми оказались сугубо поверхностными — отлежится немного и вернётся прислуживать в его покои. В-третьих, суровое наказание князя было лишь уроком, призванным научить Сяодуна держать себя подобающе истинному господину.

Её негромкий голос убаюкивал точно так же, как речи приёмной матери из полузабытого сна. Лишённый зрения Сяодун ловил каждый звук, судорожно вцепившись в её тёплые пальцы и согласно кивая сквозь слёзы. Княгиня ни словом не упрекнула его, но он, дрожа от пережитого кошмара, без конца лепетал извинения.

Слишком свежа была память о ледяном безмолвии каменного мешка. Снова оказаться там, один на один с глухой пустотой, голодать, мёрзнуть и беспомощно наблюдать, как один за другим гаснут спасительные лучи над головой... Нет, этого он не перенесёт. Пусть бы лучше избили до полусмерти, только не бросали туда вновь.

Промаявшись долгое время, он наконец затих и провалился в прерывистый сон. Проснувшись, Сяодун снова заплакал и испуганно взмахнул руками, силясь нащупать холодные стены узилища. Но его ладонь внезапно перехватили тонкие детские пальцы.

Ощувив ответное тепло, Сяодун крепко сжал маленькую ладошку:

— Кто здесь?

В ответ таинственный гость разжал его пальцы и принялся упрямо выводить иероглиф за иероглифом прямо по ладони. Сяодун послушно читал вслух каждое слово:

— Какой... ты... уродливый?

Сяодун опешил. Тотчас у постели раздался сердитый детский голосок:

— Я в жизни не видел такого неотёсанного дурака! И никогда не признаю в тебе брата. Мой четвёртый брат — Гу Цзиньюй, а вовсе не такое чучело, как ты!

Мальчишка с силой вырвал свою ладонь, и его разгневанные шаги быстро затихли в отдалении. В дверях слышался угодливый шёпот служанки: «Доброго пути, пятый молодой господин».

Мысли в голове Сяодуна лениво повернулись, прежде чем он сообразил: это ведь был Сяо У, его младший брат Гу Шоуи. Прежде им не доводилось встречаться лицом к лицу, так что это мимолётное знакомство можно было считать их первой беседой.

Обида захлестнула его с новой силой. Сяодун ощупал свои щёки и удручённо забормотал под нос:

— Сколько на свете живу, никто меня уродливым не называл. Что у мелкого со зрением?

Не успел он закончить свои причитания, как из темноты со стороны изголовья донёсся тихий, вкрадчивый смешок:

— Твоя правда. Ты вовсе не уродлив.

Сяодун испуганно нырнул под одеяло, но быстро опомнился и осторожно протянул руку вслепую:

— Цзиньюй? Ты тоже пришёл навестить меня? Ну почему ты вечно подкрадываешься бесшумно, до смерти напугать хочешь!

— Неужели это страшнее темницы?

Сяодун осёкся, в груди тоскливо защемило.

— Цзиньюй... А тебя самого туда сажали?

— Разумеется. Все наши братья и сёстры прошли через это. Даже Шоуи успел посидеть там денёк.

Сяодун только-только осушил слёзы, но от этих слов снова всхлипнул:

— Да за что они так с нами?

— Порядок и чины незыблемы. Почтительный сын не смеет перечить родителям, а истинный господин не станет якшаться со слугами. Благородные стоят высоко, чернь — у их ног. Тебе придётся подчиниться этим правилам.

Сяодун, пропустив нотацию мимо ушей, упрямо спросил:

— А сколько раз тебя запирали? На сколько дней? Неужели тебе не было паршиво? Неужели не боялся?

Цзиньюй присел на край постели, разглядывая сжавшийся под одеялом бледный комочек с повязкой на глазах. Братец выглядел ещё более изнурённым и жалким, чем при первой встрече.

Цзиньюй промолчал. Сяодун же, шумно шмыгая носом, принялся взахлёб расписывать свои злоключения: от глупых мелочей вроде почёсывания пяток со скуки до отчаянных попыток расшибить лоб о стену. Он вываливал на собеседника душу, обнажая каждую уязвимую мысль.

Цзиньюй никогда прежде не встречал столь простодушных людей, способных так неистово и беззащитно распахивать своё сердце перед другими. Стоило Сяодуну заговорить о симпатии к Гэ Дунчюню, как он принимался с жаром расписывать его достоинства, а стоило помянуть страх перед каменным мешком — и он жалобно, в красках изливал всю свою горечь.

Сегодня было пятнадцатое число — день его отдыха. Возвращаться в поместье Гу Цзиньюй не планировал, благо любой пустяковый предлог позволял остаться во дворце. Однако стоило ему прикрыть веки, как перед мысленным взором вместо роскошного золочёного пола императорских покоев возникало бледное, измождённое лицо Сяодуна.

— Это же уму непостижимо! Ну разве можно запираť живого человека на такой срок!

Сяодун вцепился в его рукав и разразился рыданиями. Он давно старался не вспоминать о застенках, но память упрямо воскрешала мельчайшие подробности прошлого заточения.

Кажется, тогда он в очередной раз завалил урок воинских искусств. Учитель подло извратил факты, нажаловался князю Чжэньбэю, и проступки Сяодуна сложили вместе, приговорив его к одиночной камере. Он пробыл там... около месяца. Пожалуй, это был самый нескончаемый раз.

Наказание должно было продлиться ещё дольше, но Сяодун схитрил — притворился, будто накладывает на себя руки, и его спешно выпустили. Жажда жизни заставила его разыграть эту нелепую смерть. Он отчаянно хотел выжить, но странное дело: ощущение угасания разума на

границы гибели вдруг заманило его в ловушку. В этой сладкой, пугающей полусмерти крылось невероятное облегчение, сулящее абсолютную свободу. Ведь когда прерывается дыхание, земные тяготы обращаются в ничто.

«Освобождение в пустоте — лишь иллюзия, — размышлял Цзиньюй. — Истинная свобода не обязана быть пустой».

Сила была только в жизни.

Прикосновение Сяодуна выдернуло его из задумчивости. Он опустил холодный взгляд на ладони брата, беззастенчиво ощупывавшие его грудь.

— Цзиньюй, я так проголодался... Есть что-нибудь съестное?

Цзиньюй зажмурился. Ну что за бестолочь! И ради этого недоразумения он мчался сюда во весь опор из самого императорского дворца?

— Послушай, как у меня в животе урчит, — Сяодун продолжал шарить ладонью по его груди. — Клянусь, этот грохот заглушает стук твоего сердца!

Цзиньюй бесцеремонно перехватил его тонкое запястье и, помедлив мгновение, велел служанке княгини принести обед.

Вскоре слуги внесли подносы. Сяодун мигом приподнялся на локтях и принялся жадно втягивать носом ароматные испарения. Со стороны он наверняка походил на глупого голодного щенка.

С каким отчаянием он только что рыдал, с такой же неистовой страстью набросился на еду. Схватив пиалу, он принялся торопливо заталкивать рис в рот, опустошая одну чашу за другой. Любое кушанье, подкладываемое служанками, казалось ему верхом кулинарного искусства. Сяодун орудовал палочками так рьяно, что пара рисинок прилипла к кончику его носа; заметив это, он преспокойно снял их пальцами и отправил в рот, являя собой пример редкой, почти первобытной неотёсанности.

Во время их прошлого совместного ужина Сяодун ещё пытался соблюдать приличия, теперь же вся его манерность испарилась без следа. Цзиньюй содрогался от отвращения, но почему-то не мог отвести глаз.

Насытившись, Сяодун погладил живот одной рукой, а другой принялся легонько массировать точки для улучшения пищеварения. Он придвинулся ближе к брату и засыпал его бесконечными расспросами обо всяких глупостях, вызывая у Цзиньюя лишь глухое раздражение.

— А когда мне позволят вернуться в Восточный лесной сад? — в голосе Сяодуна прозвучала робкая надежда.

«Надо же, наконец-то оценил прелесть уединения в Восточном лесном саду, — мысленно усмехнулся Цзиньюй, вспомнив, с каким восторгом братец рвался в Западный сад процветания всего полторы недели назад. — Получил урок».

— Это решают отец и матушка, — сухо отрезал он. — Меня спрашивать без толку.

В этот момент в покои бесшумно вернулась Ань Жои, жестом приказав служанкам удалиться. Двигалась она как тень, но у Сяодуна оказался на удивление острый нюх. Он повёл носом и тотчас вскочил с постели:

— Матушка, это вы? Я сразу почуял тонкий цветочный аромат от ваших рукавов!

Княгиня замерла на полушаге и мягко улыбнулась:

— Вернулась, дитя моё.

Сяодун двинулся на запах, поймал край её широкого рукава, нащупал ладонь и, сделав ещё шаг, крепко обнял мачеху, уткнувшись ей в плечо. У Цзиньюя дрогнул уголок глаза, а сама Ань Жои на мгновение застыла как изваяние.

— Матушка, спасибо вам большое, — искренне выдохнул Сяодун. — Вы такая добрая! Я так сильно вас люблю. Вы куда милосерднее отца.

В комнате воцарилось неловкое молчание. Цзиньюй поспешил нарушить тишину, чинно поклонившись:

— Сын приветствует матушку. Желаю вам доброго здоровья.

— Здравствуй, — Ань Жои кивнула и осторожно положила ладони на плечи Сяодуна. — Мой мальчик, ты помнишь, как положено называть меня при посторонних?

— Помню. «Нижайший поклон княгине». Но ведь сейчас здесь никого нет! Матушка, я только вчера покинул ту страшную башню, позвольте мне обнять вас ещё хоть немного.

Сяодун уткнулся носом в складки её шёлка. Ростом он пока не вышел, и рядом со статной княгиней казался совсем крохотным.

Цзиньюй обменялся с матерью ещё парой вежливых фраз и поспешил откланяться — зрелище

ласкающегося у ног хозяйки глупого пса утомляло его свыше меры.

Сяодун проводил его незрячим взглядом, с сожалением вздохнув:

— Матушка, а почему Цзиньюй ушёл так быстро?

Ань Жои мягко высвободилась из его объятий:

— У Цзиньюя много важных дел. Он не привык тратить время впустую.

Намёк на то, что Сяодун лишь бьёт баклуши, прошёл мимо его ушей. Он снова прильнул к ней, согласно закивав, а затем опять завёл речь о Восточном лесном саде. Ань Жои тихо рассмеялась:

— Неужели тебе не нравится у меня в гостях?

Он торопливо мотнул головой, выказав редкую прямоту:

— Очень нравится! Но я до смерти боюсь отца. Лучше мне вернуться в Восточный лесной сад, а как соскучусь по вам — приду со всеми церемониями.

Княгиня на мгновение умолкла.

— Хорошо. Вернёшься, как только снимем повязку. Но учти: всё, что ты пропустил за эти десять дней, придётся наверстать.

Сяодун заметно приуныл. Но печалило его не закаливание тела и не поясная подвеска смирения, а мысли об управляющем Чжу Ми, который обычно приглядывал за его учёбой. Бедняге знатно досталось, и Сяодун содрогался при мысли, в каком тот сейчас состоянии.

— Иначе к весне ты безнадежно отстанешь от остальных.

Сяодун удивлённо моргнул под повязкой:

— Матушка, а что случится весной?

— В Восточном лесном саду обустроят частную школу. Со следующего года отпрыски самых знатных родов Чанло будут приезжать в наше поместье на учёбу, — Ань Жои посмотрела на него сверху вниз. Взгляд её, казалось, проникал под кожу, прощупывая и взвешивая саму его суть. — Сяодун, и тебе придётся учиться вместе с ними.

<http://bllate.org/book/20609/2131967>